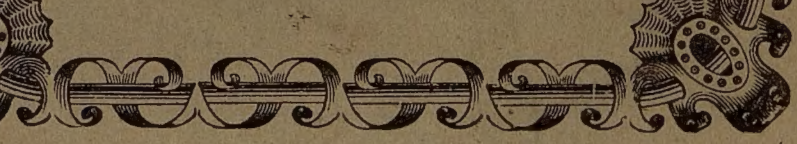

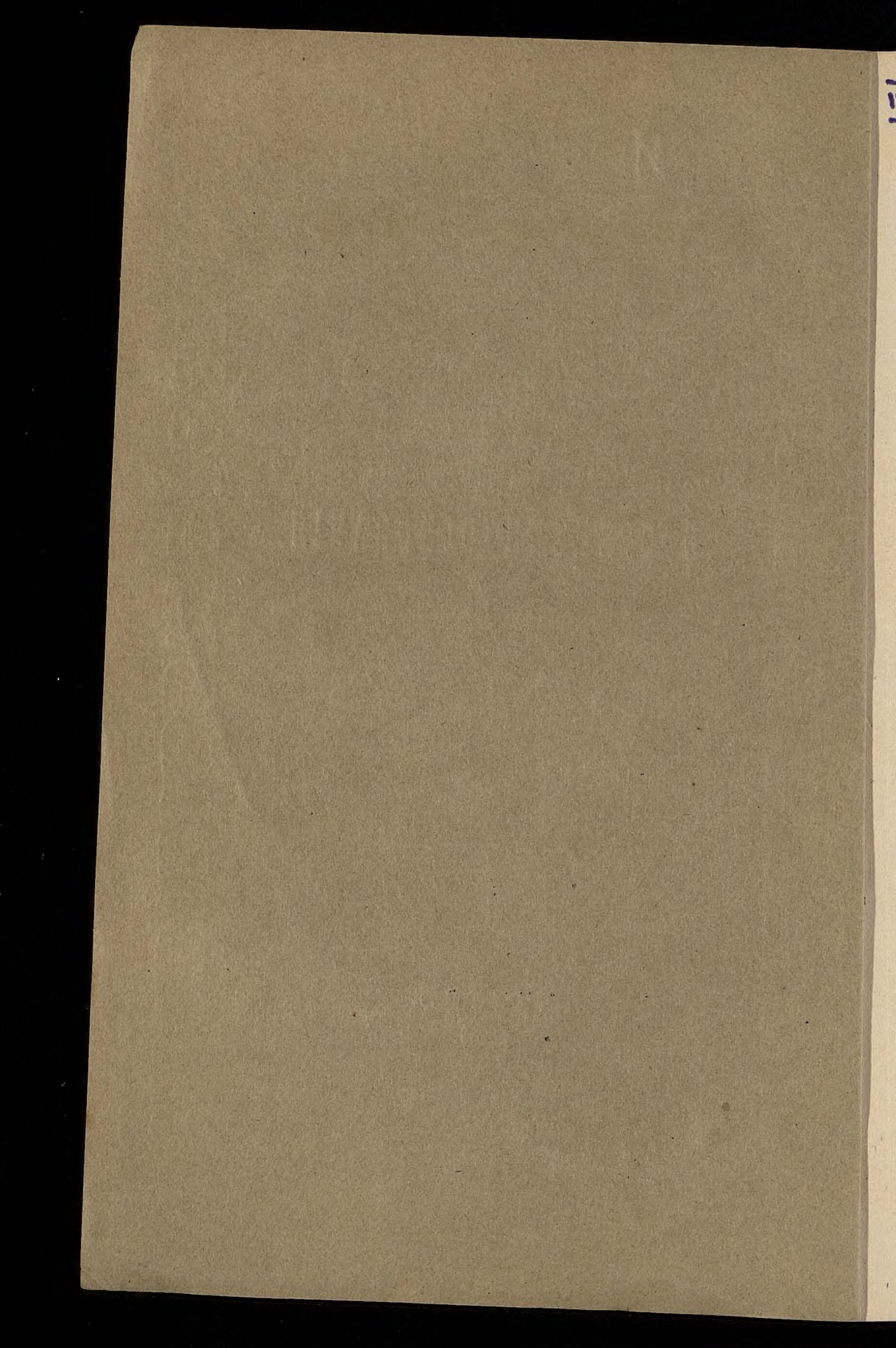
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНІЯ

Г. ПСКОВА.

ПСКОВЪ.
1856.

ИЗСЛѢДОВАНIЯ

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНIЯ

Г. ПСКОВА.

Ю. Иваницкаго.

ПСКОВЪ,
въ типографiи губернскаго правленiя.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 21-го Іюля 1856 года.

Ценсоръ И. *Лажечниковъ.*

Когда и кѣмъ основанъ Псковъ?

Предлагаю себѣ этотъ вопросъ не для того, чтобы рѣшить его окончательно и непогрѣшительно; но для того, чтобы посмотрѣть, до какой степени онъ можетъ быть объясненъ показаніями и промолвками нашихъ лѣтописцевъ, что говорили объ немъ наши писатели—историки, на чемъ основывали они сужденія свои объ этомъ предметѣ, и на чемъ должно остановиться въ настоящее время въ изслѣдованіяхъ о времени основанія г. Пскова.

Псковской лѣтописецъ говоритъ: «А о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспомянуто, отъ кого созданъ бысть и которыми людьми, токмо увѣдѣхомъ, яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали Князи Рюрикъ съ братьею изъ Варягъ въ Словяне княжити; понеже вѣдаетъ, яко Игорь Рюриковичъ поятъ себѣ жену Олгу отъ Плескова.» (1)

Дѣйствительно, во всѣхъ другихъ лѣтописяхъ ничего не говорится объ основаніи Пскова: слово *Плесковъ* встрѣчается въ первый разъ только случайно, какъ названіе города, уже существовавшаго въ началѣ X столѣтія.

«Игореви възрастъшю, и хожаше по Олзѣ и слу-

(1) См. Полн. Собр. Рус. Лѣтописей Т. IV. стр. 174.

шаше его, и приведоша ему жену *отъ Плескова*, именемъ Олгу.» ([2])

«Ловища ея (Ольги) суть по всей земли, знаменья и мѣста, и повосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне.» ([3]).

«Вси ти Князи отъ единаго Варяга отъ Рюрика и отъ сына его Игоря, и отъ княгини Олгы *Псковкы* расплодишася.» ([4])

Въ другихъ спискахъ лѣтописи повторяется тоже самое, съ малыми только измѣненіями въ составѣ фразы. Вездѣ Ольга названа *Псковитянкою,* приведенною отъ *Плескова,* вездѣ имя *Плескова* упоминается какъ имя города, уже существовавшаго въ началѣ X столѣтія.

Слѣдовательно, основываясь на свидѣтельствѣ лѣтописей, можно справедливо заключить, что *Псковъ* (:Плесковъ:) *основанъ былъ до брака Игоря съ Ольгою* и даже, *можетъ быть, до прихода Рюрика*

(2) Лавр. лѣт. стр. 12. По *лѣтописцу Переяславля Суздальскаго* мѣсто это нѣсколько полнѣе: «Игореви възрастъшю и хождаше по Ользѣ и всю волю его творя. Приведоша ему жену отъ Плескова именемъ Олгу остроумную и корень и основаніе вѣрѣ Христіанстей и намъ вождь.»

См. лѣтописца Переяславля Суздальскаго въ № 9 Временника стр. 12 въ отдѣленіи: *матеріалы.*

(3) Лавр. лѣт. стр. 25. И это мѣсто въ *лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго* полнѣе: «И иде Олга по Деревстей земли съ сыномъ своимъ, уроки уставляющи и суть становища ея и ловища и до сего дни. И прииде въ Кіевъ и пребывъ лѣто едино и устави погосты, поиде къ Новуграду и по Мьсте устави погосты и дань и оброки и ловища ея и сіи часъ и по Лузѣ и по земли и пересыти у знаменія и мѣста и погосты. И сани ея въ Плескове и по Днѣпру перевесье, по всемъ рѣкамъ и по Десне и есть село ея Олжичи и сѣ время.» Тамъ же стр. 12.

(4) 2-я Псков. лѣт. стр. 2.

съ братьями въ Русскую землю. Доказательствами служатъ:

1. Показаніе 1-й Псковской лѣтописи: «токмо увѣдѣхомъ, яко былъ уже (:Псковъ:) въ то время, какъ наѣхали Князи Рюрикъ съ братьею изъ Варягъ въ Словяне княжити.» Значитъ, во время лѣтописца было преданіе, что Псковъ основанъ до прихода Рюрика въ Русскую землю.

2. Согласныя показанія всѣхъ лѣтописей, что Ольга была приведена *отъ Плескова,* что она была *Псковитянка,* т. е. что Плесковъ или Псковъ существовалъ уже въ то время (:въ 903 году:) когда Ольга сдѣлалась супругою Игоря.

Заключеніе, кажется, справедливое; но противъ этого говорятъ:

1. Слова: «и приведоша ему жену *отъ Плескова,*» недолжно принимать въ буквальномъ смыслѣ. *Отъ Плескова* значитъ *изъ подъ Пскова*, а не *изъ Пскова.* Первый нашъ лѣтописецъ (:Несторъ ли это былъ, или кто другой:) писалъ эти слова въ Кіевѣ, въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка: ему неизвѣстно было навѣрное мѣсто рожденія Ольги; онъ зналъ только, по преданію, что Ольга была родомъ изъ той стороны, гдѣ г. Псковъ,—который въ XII вѣкѣ пользовался уже извѣстностію,—и потому написалъ: не *изъ Плескова,* а *отъ Плескова,* т. е. изъ подъ Пскова.

2. До женитьбы Игоря, т. е. до 903 года, ни въ одномъ спискѣ лѣтописи не встрѣчается имени Плескова или Пскова, имена же другихъ городовъ попадаются нерѣдко, и между прочимъ имя ближайшаго къ Пскову города *Изборска.*

Отвѣчаю сперва на второе возраженіе: Лѣтописецъ,

разсказавшій намъ о разселеніи племенъ Славянскихъ и о раздѣленіи земель между сподвижниками Рюрика, не сдѣлалъ перечени городовъ, въ то время существовавшихъ. Онъ называетъ какой—либо городъ поимени тогда только, когда дѣло коснется этого города. Такъ—упомянувъ прежде всего, что Славяне Ильменскіе построили *Новгородъ*,—онъ, какъ Кіевлянинъ, разсказываетъ подробно исторію основанія *Кіева*, потомъ называетъ еще *Смоленскъ*, и только.....

Но изъ этого не слѣдуетъ, что до пришествія Рюрика, три только города и были въ землѣ Славянской. Трувора Рюрикъ посадилъ *въ Изборскѣ*; стало быть и Изборскъ существовалъ до прихода Рюрика. Черезъ 2 года послѣ этого, Рюрикъ опять дѣлалъ раздачу городовъ: кому далъ *Полотскъ*, кому *Ростовъ*, кому *Бѣлоозеро*. Вотъ опять новыя названія городовъ. Въ этихъ городахъ, прибавляетъ лѣтописецъ, Варяги—пришельцы, а первые ихъ населенцы: въ Новгородѣ—Славяне, въ Полотскѣ—Кривичи, въ Ростовѣ—Меря, въ Бѣлѣозерѣ—Весь, *въ Муромѣ*—Мурома. Еще одно новое названіе. Олегъ въ первые годы своего княженія взялъ—*Любечъ*. Послѣ похода на Грековъ онъ взялъ съ нихъ *уклады* на Русскіе города, и между прочимъ на *Черниговъ* и на *Переяславль*. Однимъ словомъ, у лѣтописца названіе какого либо города встрѣчается всегда тамъ только, гдѣ дѣло касается этого города. До женитьбы Игоря небыло надобности упоминать о Плесковѣ, потому и неупомянуто; а когда нужно было сказать о женитьбѣ Игоря, тогда лѣтописецъ и сказалъ: «Игореви възрастъшю и хожаше по Олзѣ и слушаше его, и приведоша ему жену отъ *Плескова*, именемъ Ольгу.» Мнѣ кажется, встрѣтить въ первый разъ имя Плескова въ этомъ именно мѣстѣ лѣтописи (:подъ годомъ 903:),

а не въ другомъ какомъ-либо, также естественно, какъ встрѣтить въ первый разъ имя Изборска, послучаю отдачи его Трувору, имена Полотска и Ростова, послучаю отдачи ихъ сподвижникамъ Рюрика, имя Любеча, послучаю завоеванія его Олегомъ, имена Чернигова и Переяславля, послучаю взятія на нихъ уклада и т. д.

Обращаюсь къ первому возраженію: Это возраженіе основано на предположеніи. Предполагается, что первый нашъ лѣтописецъ, какъ Кіевлянинъ, не зналъ навѣрное мѣста рожденія Ольги, и потому сказалъ, что она родомъ изъ той стороны, гдѣ теперь Плесковъ, *отъ Плескова,* а не *изъ Пскова.*

Но лѣтописецъ, какъ житель Кіева, гдѣ Ольга провела болѣе 40 лѣтъ своей жизни, и какъ одинъ изъ представителей только что возникшаго въ Кіевѣ, насажденнаго Ольгою, Христіанства, безъ сомнѣнія зналъ исторію этой блаженной жены, которую онъ называетъ денницею—предвозвѣстницею солнца правды въ землѣ христіанской, луною, сіяющею въ ночи грѣховной; разсказы объ Ольгѣ онъ могъ слышать отъ лицъ, которыхъ дѣды знали ее лично; въ числѣ иноковъ Кіево-Печерской Лавры, гдѣ, какъ извѣстно, жилъ нашъ первый лѣтописецъ, и куда стекались ревнители иноческаго житія со всѣхъ концевъ Русской земли, былъ, можетъ быть, кто нибудь и изъ земляковъ Св. Ольги.—Ольга была лицемъ близкимъ къ лѣтописцу и по времени и по связи духовной: въ молодомъ Кіевскомъ христіанствѣ въ началѣ XII вѣка свѣжи еще были воспоминанія объ этой Св. женѣ; покрайней мѣрѣ лѣтописецъ говоритъ объ ней, какъ объ лицѣ только что сошедшемъ со сцены дѣйствій; всё еще напоминаетъ ему объ ея присутствіи: «(Ловища ея Ольги) суть по всей земли,

знаменья и мѣста и повосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Десне, и есть село ее Олжичи и доселѣ.» Довольно странно предполагать, что тотъ самый лѣтописецъ, которому извѣстны были въ разныхъ концахъ Русской земли разные памятники или пребыванія тамъ, или дѣятельности Св. Ольги, затруднился означить точно мѣсто рожденія Ольги, и сказалъ глухо: изъ подъ Пскова, т. е. изъ тѣхъ сторонъ, гдѣ теперь Псковъ . . . . . При томъ и предлогъ *отъ* въ словѣ *отъ Плескова* употребленъ точно въ томъ же самомъ значеніи, въ какомъ онъ употребленъ и во многихъ другихъ мѣстахъ лѣтописи: «Приде отъ Рима въ Византію.»—»Возмутъ мѣсячное первое *отъ* города Кіева, и пакы *изъ* Чернигова.»—«О Христіанѣхъ *отъ* коея любо страны приходящимъ въ Русь и пр. и пр. и пр.

Нельзя думать, чтобы соображенія эти, столь простыя и доступныя каждому, кто хотя сколько нибудь знакомъ съ лѣтописями, не приходили на мысль тѣмъ лицамъ, которыхъ по какимъ бы-то нибыло причинамъ интересовалъ или интересуетъ вопросъ объ основаніи Пскова. Но на нихъ обаятельно дѣйствуетъ легенда, правда *не народная*, но сложенная изъ такихъ интересныхъ подробностей, что дѣйствительно трудно оторваться отъ нея, промѣнять эту мозаичную картину на нѣсколько сухихъ костей давно отжившей дѣйствительности, сохраненныхъ лѣтописцами.

Легенда говоритъ:

Родина Ольги—деревня Выбуты или Лыбуты, близъ Пскова, на правомъ берегу Великой, вверхъ по рѣкѣ. По смерти родителей своихъ, которые были простые поселяне, Ольга осталась сиротою, и была пере-

вощицей. Однажды Князь Игорь былъ въ тѣхъ краяхъ и охотился на правомъ берегу Великой. Ему нужно было переѣхать на другой берегъ рѣки. Онъ видитъ, что кто-то плыветъ по рѣкѣ въ лодкѣ. Князь подзываетъ къ себѣ пловца и велитъ себя перевезти. Пловецъ—была дѣвушка молодая и прекрасная, по имени Ольга. Князь,—но будемъ говорить словами легенды,—уязвися видѣніемъ, яко же писано есть: очи лакомѣ и некасаемыхъ касахуся, и разгорѣся желаніемъ на ню, и нѣкіе глаголы глумленіемъ претворяше къ ней. Она же уразумѣвши глумленія коварство, пресѣкая бесѣду неподобнаго ему умышленія, не юношески, но старческимъ смысломъ, поношая ему глаголаше: «что всуе смущаешися, о Княже! срамъ притворяя ми, всякую неподобная во умѣ совѣщевая, студныя словеса износиши; не прельщайся, видѣвъ мя юну дѣвицу и уединену, и о семъ ненадѣйся, яко неимаши одолѣти ми; аще и невѣжа есмъ и вельми юна и простъ обычай имамъ, якоже мя видиши; но обаче разумѣхъ, яко поругати ми ся хощеши, и глаголеши нелѣпая, его же нехощу ни слышати; прочее же внимай себѣ и останися таковаго умышленія, дондеже юнъ еси, блюди себе, да неодолѣетъ ти неразуміе, и да непостраждеши зло нѣкое; останися всякаго неразумія и неправды. Аще самъ уязвенъ будеши всякими студодѣяніи, то како можеши инѣмъ неправду возбранити, и праведно судити державѣ твоей; разумноже да будетъ ти, аще и паки нынѣ непрестанеши, соблажняяся о моемъ сиротствѣ, туне ми есть, яко да прійметъ мя глубина рѣки сея, да небуду тебѣ на соблазнъ и сама поруганія и поношенія угонзну, ты же прочее не смущаешись о мнѣ, и ина многа премудренно о цѣломудріи глаголя.» Игорь былъ такъ удивленъ и

пристыженъ словами Ольги, что замолчалъ, и не сказавъ ей болѣе ни слова, вышелъ на берегъ и отправился дальше въ путь. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда пришло ему время жениться, началось по обычаю царскому отыскиваніе невѣсты. Но какихъ дѣвицъ ни предлагали Князю, онъ отклонялъ всѣ предложенія: въ душѣ его живъ былъ образъ перевощицы, очаровавшей его дѣвическою скромностію и умными рѣчами. Онъ послалъ за нею родственника своего Князя Олега. Ольга была приведена въ Кіевъ съ приличными почестями, и Игорь сочетался съ нею бракомъ. Прошло много лѣтъ. Ольга была уже христіанкою. Подобно христолюбивой Царицѣ Еленѣ, она обходила города и села по всей Русской землѣ, проповѣдуя всѣмъ благочестіе, поучая Вѣрѣ Христовой, сокрушая кумиры, и на ихъ мѣстахъ ставя кресты Христовы. Пришла она и на берегъ Великой и остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ Великую рѣку Пскова. Былъ тогда на этомъ мѣстѣ густой лѣсъ. Здѣсь Ольга увидѣла видѣніе: три свѣтлыхъ луча съ неба сходили на эту пустыню. Ольга, видя въ этомъ благодатное знаменіе будущаго просвѣщенія земли Русской, сказала пророчески своимъ спутникамъ: «Знайте, что по волѣ Божіей на этомъ мѣстѣ будетъ воздвигнута церковь во имя Св. Тройцы, и будетъ городъ большой, славный и богатый.» Сказавъ это, она помолилась и поставила на этомъ мѣстѣ крестъ. Возвратясь въ Кіевъ, она послала туда, гдѣ видѣла видѣніе, много злата на созданіе церкви Св. Троицы. Въ послѣдствіи тутъ выстроенъ былъ и городъ.

Въ такомъ видѣ легенда объ Ольгѣ внесена въ *Степенную книгу*, начатую хотя еще во второй половинѣ XIV вѣка, но окончательно пополненную, какъ извѣстно,

въ первой половинѣ XVI вѣка. Я не знаю, въ этомъ ли самомъ видѣ легенда эта занесена въ неизданную Минею Митр. Макарія; но въ извѣстномъ намъ жизнеописаніи Ольги она уже измѣнена нѣсколько. Такъ наприм. мѣстомъ, гдѣ стояла Ольга, и надъ которымъ видѣла лучи, въ Степенной книгѣ названъ именно тотъ мысъ при впаденіи рѣки Псковы въ Великую, гдѣ городской Кремль и Троицкой Соборъ. «И пріиде блаженная Ольга близь рѣки, глаголемыя Великія, и бывши ей *наконецъ рѣки Псковы*—и *на томъ мѣстѣ* Святая Ольга чюдно и преславно видѣнія видѣ: *мѣсто оно* пресвѣтлыми лучами осіяваемо бѣ.—Посла Св. Ольга много злата на Плескову рѣку на созданіе церкви Св. Тройцы, *идѣже* три сіятельные божественные лучи свѣтоявленіе видѣ. Послѣдиже *ту* градъ великъ Псковъ поставленъ бысть.» А въ извѣстномъ намъ жизнеописаніи Ольги сказано, что Ольга стояла на лѣвомъ берегу р. Великой *противъ* устья Псковы; лучи же, видѣнные ею, озаряли противуположный берегъ. «Егда же во странѣ той пріиде къ берегу рѣки, глаголемой Великой—и бысть *противу* того мѣста, идѣже въ р. Великую иная рѣка, отъ Востока текущая, Пскова нарицаемая, впадаетъ; видѣ объ *онъ полъ* рѣки отъ Востока три пресвѣтлыя лучи съ небесе на *та* мѣста сходящія.» . . .

Я назвалъ легенду объ Ольгѣ *не народною*, въ томъ смыслѣ, что она не возникла сама собою, подобно другимъ легендамъ объ Ольгѣ, среди народа, на тѣхъ мѣстахъ, которые были свидѣтелями жизни и дѣлъ Ольги; а сложилась уже среди поколѣній позднѣйшихъ, когда лучезарный образъ *соревнительницы Апостоловъ* закрылъ сіяніемъ своей славы всё, что могло еще храниться въ памяти людей объ безвѣстной Псковитянкѣ;

сдѣлавшейся В. Княгинею Кіевской, и что засвидѣтельствовали лѣтописцы.

Доказательства на это слѣдующія:

1. Лѣтописецъ Кіевскій, принадлежавшій не дальше какъ къ третьему поколѣнію Кіевлянъ, жившему послѣ Ольги, разсказалъ подробно два преданія объ ней,—а именно о наказаніи Древлянъ и о взятіи Искоростеня,—поименовалъ дѣла Ольги касательно устроенія подвластныхъ ей земель, и наконецъ указалъ, какіе памятники жизни и дѣятельности ея существовали въ его время въ землѣ Русской; но ни слова не сказалъ о томъ, что разсказывается въ легендѣ, внесенной въ Степенную книгу.—Чѣмъ объяснить молчаніе лѣтописца? Онъ, какъ я сказалъ уже прежде,—близокъ былъ къ Ольгѣ и по времени и по связи духовной: легенду о водвореніи Ольгою Христіанства въ ея родинѣ,—если бы эта легенда существовала въ XI и XII столѣтіяхъ,—лѣтописецъ, конечно, не упустилъ бы изъ виду, и, какъ христіанинъ, разсказалъ бы съ большими подробностями и съ большею любовію, чѣмъ легенды о наказаніи Древлянъ и о взятіи Искоростеня. Онъ зналъ, гдѣ были *ловища* и *перевѣсища* Ольги,—слыхавъ объ этомъ безъ сомнѣнія отъ очевидцевъ,—зналъ и о томъ, что въ Плесковѣ сохраняются *сани* Ольги,—конечно также, отъ очевидцевъ; можно ли же думать, что лѣтописецъ незналъ, что въ томъ самомъ городѣ, гдѣ стоятъ сани Ольги, есть церковь, построенная по ея мысли, на ея деньги, на мѣстѣ ею указанномъ, и что самый городъ Плесковъ есть также созданіе Ольги.? Объ селѣ ея *Ольжичи* онъ не забылъ упомянуть.

2. Составитель Псковской лѣтописи,—относящейся, какъ извѣстно, къ началу XIV и даже къ концу XIII

вѣка,—старался узнать что нибудь вѣрное объ основаніи Пскова; но долженъ былъ сказать, что «о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспомянуто, отъ кого созданъ бысть и которыми людьми.» Однакожъ жившее въ то время въ Псковѣ преданіе говорило, что Псковъ существовалъ уже до Рюрика, и потому лѣтописецъ прибавилъ: «токмо увѣдѣхомъ, яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали Князи Рюрикъ съ братіею изъ Варягъ въ Словяне княжити.» Въ подтвержденіе этого преданія онъ указалъ и на фактъ, который, какъ видно, въ его время не подлежалъ сомнѣнію: «понеже повѣдаетъ, яко Игорь Рюриковичъ поятъ себѣ жену Ольгу отъ Плескова.»

И здѣсь, въ свидѣтельствѣ Псковскаго лѣтописца, нѣтъ опять ни слова о легендѣ, разсказанной въ Степенной книгѣ; напротивъ, прямо указывается, что во время лѣтописца вѣрили, что Псковъ построенъ еще до прихода Рюрика, и что Ольга была родомъ изъ Пскова. Если бы легенда объ Ольгѣ была извѣстна въ Псковѣ въ XIII или XIV вѣкѣ, конечно, лѣтописецъ, какъ Псковичь, отыскивавшій въ дошедшихъ до него лѣтописяхъ какихъ нибудь указаній на время основанія своего роднаго города, неоставилъ бы этой легенды безъ вниманія, и скорѣе бы взялся за нее, какъ за сказаніе полное и оконченное, чѣмъ за темное преданіе о томъ, что Псковъ «былъ уже въ то время, какъ наѣхали Князи Рюрикъ съ братьею изъ Варягъ въ Словяне княжити.»

Изъ этого я вывожу заключеніе, что легенда, разсказанная въ Степенной книгѣ, начала слагаться ни какъ не ранѣе конца XIV вѣка; (5) даже вѣроятно—

(5) Это въ такомъ только случаѣ, если она внесена уже была въ Кипріановскую Степенную книгу.

позже и при разныхъ редакціяхъ измѣняла свои подробности. Покрайней мѣрѣ это видно изъ сличенія Степенной книги, Пролога и жизнеописанія Ольги. (6)

Конечно ни одинъ истинный историкъ не пренебрежетъ легендою, *когда бы* и *какъ бы* ни возникла она: всегда онъ дастъ ей мѣсто приличное въ области его изслѣдованій; но для большинства людей,—не *историковъ*, а просто *любителей исторіи*,—легенда есть самое пріятное явленіе: она увиваетъ разрозненные обломки давно—погибшей жизни такою живописною зеленью, и освѣщаетъ такимъ фантастическимъ свѣтомъ, что, глядя на нихъ, пріятно отдыхаетъ воображеніе и сердце, и даже неугомонный умъ не рѣшается, съ обычнымъ своимъ безстрастіемъ, порыться въ этихъ, какъ будто заколдованныхъ, обломкахъ.

Тоже самое нужно сказать и о приведенной мною выше легендѣ: она разомъ дала самый положительный и ясный отвѣтъ на вопросъ объ основаніи Пскова, такъ что всѣ намеки на истину, сдѣланные лѣтописцами, остались въ тѣни, и большинство людей, интересующихся знать когда и кѣмъ основанъ Псковъ, не сомнѣваются, что Псковъ построенъ Ольгою.

Посмотримъ теперь, что и какъ говорили и говорятъ объ этомъ наши писатели—историки.

---

(6) Легенда эта есть и въ *Новомъ лѣтописцѣ*; только тамъ разсказана она короче, и кончена пророчествомъ Ольги; но о томъ, что Ольга послала золото и серебро, велѣла построить церковь Св. Троицы и городъ Псковъ—нѣтъ ни слова.—Впрочемъ *Новый Лѣтописецъ* составленъ уже въ царствованіе Михаила Θеодоровича, т. е. въ началѣ XVII вѣка,— слѣдовательно послѣ Степенной книги.
См. № 17 Временника.

Иннокентій Гизель, составитель *Синопсиса* (7), жившій во второй половинѣ XVII столѣтія, ни слова не говоритъ о томъ, кѣмъ и когда основанъ Псковъ. Онъ сказалъ только, что Труворъ «воспріялъ Княженіе Псковское, столицу же свою заложи въ Сворцахъ или во Изборску.» (8) Изъ этого можно заключить, что авторъ Синопсиса относилъ основаніе Пскова къ временамъ до-Рюриковскимъ; тѣмъ больше, что по случаю женитьбы Игоря, онъ говоритъ, что Ольга была *отъ Пскова*. Но ни о посѣщеніи Ольгою береговъ Великой, ни о видѣніи трехъ лучей, ни о построеніи храма Св. Тройцы, въ Синопсисѣ нѣтъ ни слова. За то, правда, есть совершенно новая черта касательно родословія Ольги: «Еще же живу сущу Олегу счетася Игорь съ Ольгою премудрою и красною дѣвицею, *правнукою Гостомысловою* отъ Пскова.» (9) Здѣсь авторъ Синопсиса ссылается на авторитетъ Польскаго лѣтописца Стрійковскаго; но доказать вѣроятность свидѣтельства Стрійковскаго едвали возможно.

Татищевъ, (10) написавшій свою Исторію въ первой половинѣ XVIII столѣтія, говоритъ, что Рюрикъ по приходѣ въ Русскую землю, «Трувору кладетъ Изборскъ, понеже тогда оный, а не Псковъ главный градъ въ той

---

(7) Синопсисъ или краткое описаніе о началѣ Словянскаго народа и о первыхъ Кіевскихъ Князьяхъ до Государя Царя Θеодора Алексѣевича. Книга эта имѣла 9 изданій и до изданія Ломоносовскаго *Краткаго Россійскаго лѣтописца* употреблялась, какъ учебникъ.

(8) Синопсисъ. стр. 23. изд. 1746 г.

(9) Синопсисъ. стр. 27. изд. 1746 г.

(10) Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ неусыпными трудами чрезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная.

странѣ былъ, *а Пскова еще не было.»* ([11]) Разсказывая о женитьбѣ Игоря, онъ держится показанія раскольничьяго списка лѣтописи, (котораго впрочемъ теперь нѣтъ уже на лицо:) «Ольга Княгиня въ нѣкоторыхъ манускриптахъ отъ Пскова, токмо въ одномъ раскольничемъ отъ Изборска, и сіе право; ибо тогда Пскова еще небыло». ([12]) Потомъ приводитъ изъ жизнеописанія Ольги то мѣсто гдѣ говорится о родинѣ Ольги, «но,—прибавляетъ—о родѣ ея въ Минеи не право, якобы подлая была, и на рѣкѣ перевозила, гдѣ ея Игорь узналъ; паче доказательно, что она была рода прежнихъ Князей Славенскихъ, внука Гостомысла; имя ея Славенское Прекраса Олегъ отъ любви во свое переименовалъ, а при крещеніи названа Елена». ([13]) Татищевъ ссылается здѣсь на Іоакимовскую лѣтопись, подлинность которой, какъ извѣстно, очень подозрительна. Касательно путешествія Ольги, уже Княгини Кіевской, на родину на берега Великой, Татищевъ повторяетъ разсказъ жизнеописателя Ольги; но при этомъ дѣлаетъ одно замѣчаніе: «походъ Ольги въ Новгородъ положенъ здѣсь до крещенія за 8 лѣтъ, и Прологъ сему согласуетъ, а въ Минеи Дмитрій Ростовскій написалъ по крещеніи ея.» ([14]). Впрочемъ это важное замѣчаніе онъ оставляетъ безъ всякаго объясненія. ([15])

Хилковъ ([16]) признаетъ родиной Ольги также

---

(11) См. Татищева стр. 362 часть II.

(12) См. Татищева стр. 372 часть II.

(13) См. Татищева стр. 373 часть II.

(14) См. Татищева стр. 389 часть II.

(15) Я также не говорю объ этомъ ни слова; а предоставляю это обстоятельство на разсмотрѣніе тѣмъ, которые считаютъ Ольгу основательницей Пскова.

(16) Ядро Россійской Исторіи.

Изборскъ: «Олегъ призвалъ изъ Изборска дѣвицу добродѣтельную, именемъ Ольгу, которая послѣ того въ крещеніи названа Елена, правнучка Гостомыслова, и ее въ замужество выдалъ за Игоря Рюриковича.» (17) Авторъ не объясняетъ, откуда онъ почерпнулъ это извѣстіе. О путешествіи Ольги, въ область Изборскую онъ разсказываетъ уже послѣ крещенія Ольги т. е. послѣ 954 г. «Поѣхала также къ Изборску, и городъ Псковъ *каменный* построила.» (18) Опять нѣтъ указанія на источникъ; но видно, что въ этомъ случаѣ Хилковъ слѣдовалъ жизнеописанію Ольги, прибавивъ только отъ себя слово *каменный*. Объ подробностяхъ событія, разсказанныхъ въ легендѣ, онъ не говоритъ ни слова.

Ломоносовъ (19) не упоминаетъ ни слова ни о родинѣ, ни о родителяхъ Ольги, ни о построеніи ею храма Св. Троицы и города Пскова; онъ, дѣлая ссылку на Нестора, говоритъ только: «Потомъ (Игорь) сочетался супружествомъ съ Ольгою, приведенною отъ Пскова.» (20) Объ легендѣ Ломоносовъ какъ-будто и незналъ.

Еминъ, (21) къ баснѣ о родствѣ Ольги съ Гостомысломъ, прибавилъ еще столько своихъ собственныхъ выдумокъ, что объ этомъ историкѣ стоитъ упомянуть развѣ для того только, чтобы показать, что для воображенія человѣческаго иногда не нужно даже ни какихъ матеріаловъ, чтобы построить какой угодно замокъ. Такъ на прим: Еминъ говоритъ, что бракосочетаніе Игоря съ

(17) См. у Хилкова (изд. 1799 г.) стр. 37.

(18) См. у Хилкова (изд. 1799 г.) стр. 47.

(19) Древняя Россійская Исторія отъ начала Россійскаго народа до кончины Великаго Князя Ярослава Перваго.

(20) Сочин. Ломоносова. изд. 1847 г. т. 3 стр. 150.

(21) Россійская Исторія.

Ольгой совершено было во Псковѣ, въ храмѣ Перуна, при стеченіи многочисленнаго народа, съ приличными такому торжеству увеселеніями.! . . .

Щербатовъ ([22]) говоритъ, что «Труворъ сѣлъ во Псковѣ, и столицу себѣ построилъ Изборскъ», ([23]) что «когда достигъ Игорь до 27 лѣтъ возраста своего, тогда Олегъ, его блюститель, сыскавъ ему невѣсту во Псковѣ, дѣвицу, именуемую Ольга, его женилъ, о которой мнятъ нѣкоторые, якобы правнука Гостомыслова была; родомъ изъ веси, именуемой Выбутска, что нынѣ близь града Пскова. Другіе же писатели повѣствуютъ сіе супружество инымъ образомъ» . . . ([24]) тутъ слѣдуетъ сокращеніе легенды по послѣдней ея редакціи. Касательно путешествія Ольги къ берегамъ Великой,—хотя объ этомъ и разсказано въ легендѣ подробно,—Щербатовъ не говоритъ ни слова; упоминаетъ только, что «при владѣніи уже Святослава (значитъ, когда Ольга была христіанкою) она обновила строеніемъ церкви во имя Св. Тройцы градъ Псковъ, и предрекла о будущемъ величествѣ его.» ([25]) И тутъ же дѣлаетъ примѣчаніе: «Россійскіе лѣтописцы (какіе именно?:) пишутъ въ семъ мѣстѣ, якобы основаніе града Пскова Княгинѣ Ольгѣ; но какъ онъ уже при Великомъ Князѣ Рюрикѣ былъ, и въ немъ Князь Труворъ свою столицу имѣлъ, то въ семъ мѣстѣ не можетъ какъ развѣ обновленіе его Великой Княгинѣ Ольгѣ приписаться.» ([26])

---

(22) Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ времянъ.
(23) Щербатова Исторія изд. 1770 г. т. I стр. 192.
(24) Щербатова Исторія стр. 200.
(25) Тамъ же т. I стр. 221.
(26) Тамъ же.

Болтинъ (27) возражаетъ противъ показаній Щербатова. «Труворъ не могъ пріѣхать во Псковъ, ибо его не было еще и на свѣтѣ: онъ построенъ послѣ Ольгою.» (28) —«Въ Несторѣ печатномъ и въ нѣкоторыхъ спискахъ написано, что Ольга была взята отъ Пскова, но въ другихъ и во Іоакимѣ сказано отъ Изборска, ибо тогда Пскова еще не было, что и въ Минеи подтверждается.» (29) —«Но о родѣ ея сочинитель Минеи сказалъ, якобы подлая была, и черезъ рѣку Игоря перевозила, заблужденно, и сказаніе его недостойно вниманія, яко противорѣчащее всѣмъ лѣтописямъ достовѣрнымъ. Іоакимъ точно сказываетъ, что Ольга была отъ рода Гостомыслова, и называлася Прекрасою, и сказаніе его кажется мнѣ всѣхъ прочихъ вѣроятнѣе, знаменитости супруга ея соотвѣтственнѣе, и съ обстоятельствами сообразнѣе.» (30)

Сочинитель записокъ касательно Русской Исторіи, (31) въ разсказѣ о женитьбѣ Игоря, повторяетъ Щербатова (32); а въ разсказѣ о путешествіи Ольги къ берегамъ р. Великой—повторяетъ подробности легенды. (33) Касательно же родословія Ольги, сочинитель Записокъ прибавляетъ только, что Ольга была внука старшей дочери Гостомысла, выданной за Кн. Изборскаго. (34)

Шлецеръ (35) не вѣритъ ни Степенной книгѣ, ни

(27) Критическія примѣчанія Генералъ-Маіора Болтина, на первый томъ Исторіи Кн. Щербатова.

(28) Замѣчанія Болтина. стр. 179.

(29) Зам. Болтина стр. 180.

(30) Замѣч. Болтина стр. 208.

(31) Записки касательно Русской Исторіи.

(32) Записки—т. I. стр. 44.

(33) Тамъ же стр. 73.

(34) Тамъ же стр. 8.

(35) Несторъ—Руския лѣтописи на Древне-Славенскомъ языкѣ сличенныя, переведенныя и объясненныя А. Л. Шлецеромъ.

всѣмъ приведеннымъ выше писателямъ. По поводу женитьбы Игоря, онъ говоритъ: «Изъ *Плескова* или *Пскова*—такъ сказано во всѣхъ спискахъ, но всѣ новѣйшіе этому невѣрятъ. ([36]) Доказательство ихъ состоитъ въ томъ, что Пскова тогда еще не было; но мнѣніе это нигдѣ недоказано: кто можетъ съ точностію показать годъ основанія сего мѣста?» ([37]) По поводу путешествія Ольги въ край сѣверный, Шлецеръ говоритъ: «О существованіи Пскова говорится уже прежде сего въ древнемъ времянникѣ. Что Ольга родомъ была изъ Изборской области это сказано въ одной только Четьѣ Минеѣ, которая написана гораздо послѣ времянника. Для заведенія тамъ цвѣтущихъ селеній, посылаетъ она золото и серебро! Но что дѣлать съ золотомъ и серебромъ въ дикой пустынѣ? что покупать на него?» ([38])

Ильинскій, ([39]) по примѣру Щербатова и другихъ, говоритъ: что Ольга была взята изъ Изборска, что она отъ рода Гостомыслова, и называлась прежде Прекрасой; потомъ повторяетъ подробности, передаваемыя въ легендѣ, и дѣлаетъ ссылку неизвѣстно на какой списокъ Нестора, гдѣ будто бы подъ годомъ 6456 сказано, что Ольга послала въ отечество свое область Изборскую съ вельможами многое злато и сребро, и повелѣла на показанномъ мѣстѣ отъ нея построить градъ на берегу Великой рѣки, и нарекши его Плесковъ, населить людьми, отъ всюду призывая. ([40]) У Нестора, какъ извѣстно, ничего нѣтъ объ этомъ.

(36) Ломоносовъ однакожъ вѣритъ.
(37 Шлец. Несторъ—т. 2 стр. 593.
(38) Тамъ же—томъ 3 стр. 347.
(39) Историческое описаніе города Пскова.
(40) Ильинскаго—Описаніе города Пскова— часть 1, страницы: 11—17.

Евгеній (41) признаетъ легенду, внесенную въ Степенную книгу, сказаніемъ вполнѣ достовѣрнымъ, и потому слова лѣтописца: «приведоша ему (Игорю) жену отъ Плескова,»—объясняетъ тѣмъ, что Псковъ въ XII столѣтіи былъ уже городомъ знаменитымъ. (42) Впрочемъ о родословной Ольги онъ ничего не говоритъ.

Карамзинъ (43) вѣритъ слову лѣтописца, говоритъ, что «Ее (Ольгу) привезли въ Кіевъ изъ Плескова или нынѣшняго Пскова», потомъ упоминаетъ объ легендѣ, и заключаетъ слѣдующими словами: «но мы неможемъ ручаться за истину преданія, неизвѣстнаго нашему древнему лѣтописцу: иначе онъ непропустилъ бы столь любопытнаго обстоятельства въ житіи Св. Ольги.» (44) Далѣе, разсказывая объ поѣздкѣ Ольги въ сѣверные края, Карамзинъ говоритъ: «Вѣроятно, что сія Княгиня, рожденная во Псковѣ, какими нибудь особенными выгодами, данными ею гражданамъ, способствовала тому цвѣтущему состоянію и даже силѣ, которою онъ послѣ, вмѣстѣ съ Новгородомъ славился въ Россіи, затмивъ сосѣдственный древнѣйшій Изборскъ и сдѣлавшись столицею области знаменитой.» (45)

Глинка (46) выводитъ родословную Ольги также отъ Гостомысла (47); касательно же путешествія Ольги

---

(41) Исторія Княжества Псковскаго.
(42) Евгенія—т. I стр. 9 и 10.
(43) Исторія Государства Россійскаго.
(44) Карамзина-Исторія т. I стр. 129. Эту же мысль онъ еще полнѣе высказываетъ въ примѣчаніяхъ къ I тому своей Исторіи стр. 133.
(45) Карамзинъ т. I стр. 166.
(46) Русская Исторія.
(47) Глинка т. I стр. 122.

въ область Изборскую и построенія Пскова, во всемъ слѣдуетъ легендѣ. ([48])

Полевой ([49]) ни слова не упоминаетъ ни объ легендѣ, ни о томъ, откуда родомъ была Ольга, ни о томъ, кто построилъ Псковъ; но, разсказывая о путешествіи Ольги въ область Изборскую, прибавляетъ, что она была и во Псковѣ, «который начиналъ тогда уже усиливаться, вмѣсто древняго Изборска». ([50]) Изъ этихъ словъ видно, что Полевой не считалъ Псковъ созданіемъ Ольги. ([51])

Соловьевъ, ([52]) по поводу женитьбы Игоря, переводитъ слова лѣтописца: «Игорь выросъ, и ходилъ по Олегѣ, слушался его, и привели ему жену изъ Пскова, именемъ Ольгу.» ([53]) Дѣлая перечень городовъ, о которыхъ упоминается въ первомъ періодѣ нашей Исторіи, онъ называетъ между прочимъ Псковъ,—и заключаетъ: «изъ этихъ городовъ Псковъ, Юрьевъ, Владиміръ—Волынскій, Ярославль достовѣрно построены Князьями.» ([54]) Однакожъ не говоритъ, какимъ именно Княземъ построенъ Псковъ. Но разбирая пригородныя отношенія Пскова къ Новгороду, Г. Соловьевъ говоритъ: «Мы незнаемъ, какимъ образомъ Псковъ получилъ значеніе

---

(48) Тамъ же—стр. 155.

(49) Русская Исторія, въ 4-хъ томахъ.

(50) Полевой т. I стр. 88.

(51) Въ пространной же своей Исторіи (Исторія Русскаго народа), написанной гораздо прежде, Полевой сомнѣвается существовалъ ли Псковъ ранѣе половины XI столѣтія . . . . . Чтожъ касается до легенды объ Ольгѣ, онъ считаетъ ее созданіемъ временъ позднѣйшихъ (см. Исторію Русск. народа т. I стр. 3.

(52) Исторія Россіи.

(53) Соловьевъ т. I стр. 111.)

(54) Тамъ же—стр. 228.

главнаго мѣста въ окружной странѣ вмѣсто Пзборска.» ([55]) «Зависимость Пскова отъ Новгорода началась во время Князей и въ послѣдствіе Княжескихъ отношеній. Братья Рюрика, по свидѣтельству лѣтописца, скоро умерли, и Рюрикъ принялъ одинъ всю ихъ волость; слѣдовательно страна Пзборскихъ Кривичей, вмѣстѣ со Псковомъ, подчинилась, по смерти Трувора, Рюрику.» ([56]) Сличивъ всѣ эти указанія, хотя нельзя сказать навѣрное—кого изъ этихъ князей почитаетъ Г. Соловьевъ основателемъ Пскова, однакожъ видно, что не Ольгу. ([57])

У другихъ современныхъ намъ писателей, говорившихъ покакому нибудь случаю объ основаніи Пскова, легенда объ Св. Ольгѣ (по послѣдней редакціи) признается за источникъ самый достовѣрный. ([58]) Причина этого заключается однакожъ не въ томъ, чтобы авторы, въ слѣдствіе историческихъ изысканій и соображеній, предпочли этотъ источникъ намекамъ и свидѣтельствамъ лѣтописцевъ, а въ томъ, что основаніе Пскова не было предметомъ ихъ спеціальныхъ изслѣдованій, и потому они обращались за свѣдѣніями готовыми уже, къ сочиненіямъ, посвященнымъ именно изысканіямъ о началѣ и судьбахъ Пскова. Такихъ сочиненій въ настоящее время только два: *Историческое описаніе г. Пскова*,—Ильинскаго, и *Исторія Княжества Псковскаго*,—Митр. Евгенія. И въ томъ и въ другомъ,—какъ мы видѣли выше,—

(55) Тамъ же т. 3 стр. 25.
(56) Соловьевъ—т. 3 стр. 26.
(57) Я неупоминаю объ Миллерѣ, котораго у меня нѣтъ подъ рукою; но Карамзинъ свидѣтельствуетъ (т. I примѣч. стр. 133), что Миллеръ думалъ, что Псковъ построенъ до Ольги.
(58) Въ Исторіи Проф. Устрялова нѣтъ ни—слова объ основаніи Пскова; несказано даже, откуда приведена была Ольга.

объ основаніи Пскова говорится по указаніямъ легенды. И безъ сомнѣнія, покамѣсть не будетъ написано о Псковѣ вновь сочиненія такого же полнаго и достойнаго такого же уваженія, какимъ пользовались и пользуются книги Ильинскаго и Митр. Евгенія, до тѣхъ поръ много разъ еще, вѣроятно, придется слышать и читать, что Псковъ основанъ Ольгою, что на лѣвомъ берегу Великой, противъ нынѣшняго собора, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по береговымъ уступамъ плиты, струится ключь, называемый Ольгинымъ, и гдѣ стоитъ теперь часовня, Ольга водрузила крестъ и предсказала появленіе на свѣтъ города, которому суждено было играть такую завидную роль въ Исторіи, что родина Ольги—деревня Выбуты, или Лыбуты, что на томъ самомъ мѣстѣ рѣки, которое называется до сихъ поръ *Ольгиными воротами* и гдѣ лежатъ *Ольгины слуды* (каменья), Ольга перевозила Игоря въ лодкѣ, и вела съ нимъ бесѣду, имѣвшую въ послѣдствіи такое великое вліяніе и на судьбу ея самой и на судьбу всего нашего Отечества . . . . (59)

Прослѣдя за мнѣніями всѣхъ поименованныхъ выше писателей, каждый увидитъ, что—

1) Одни изъ нихъ (Гизель, Щербатовъ, Ломоносовъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Полевой, Соловьевъ), согласно съ лѣтописцами, говорятъ, что Псковъ существовалъ уже до Ольги: они или вовсе неупоминаютъ, объ легендѣ, или, если и упоминаютъ, то прямо называютъ ее созданіемъ временъ уже позднѣйшихъ (исключая Щербатова).

(59) Да неподумаетъ читатель, что я посягаю отнять историческое значеніе у мѣстъ, освященныхъ именемъ Ольги. Объ мѣстахъ этихъ у меня будетъ сказано ниже. Здѣсь же я говорю только объ легендѣ, которая, вопреки свидѣтельству лѣтописцевъ, признаетъ Ольгу—основательницей Пскова.

2) Другіе (Татищевъ, Хилковъ, Болтинъ, Сочинитель записокъ касательно Русской Исторіи, Ильинскій, Глинка), согласно съ легендою, утверждаютъ, что Псковъ основанъ Ольгою. Давноли и какимъ образомъ сложилась такая легенда, они не говорятъ, а прямо признаютъ ее документомъ историческимъ, неподлежащимъ сомнѣнію. Они не соглашаются съ легендою только въ одномъ, что родители Ольги были люди незнатные, и выводятъ родъ ея отъ Гостомысла. Но здѣсь естественно представляется вопросъ: если не вѣрить легендѣ въ томъ, что родители Ольги были люди незнатные, то за чѣмъ же вѣрить, что Ольга основала Псковъ? или: если вѣрить легендѣ въ томъ, что Ольга основала Псковъ; то за чѣмъ не вѣрить, что родители Ольги были люди незнатные? Каждый согласиться, что вопросъ этотъ самый естественный и самый существенный въ этомъ случаѣ; между тѣмъ онъ оставленъ почти безъ отвѣта послѣдователями легенды. Ссылки на Стрійковскаго, (котораго сами же они жестоко осуждаютъ за многое), на какой-то раскольничій списокъ, (котораго однакожъ нигдѣ нѣтъ), на Іоакимовскую лѣтопись (очень сомнительную) и наконецъ на *приличіе* (что Княгинѣ приличнѣе вести родъ свой отъ Князя), ничего не доказываютъ.

3) Третіе (Митрополитъ Евгеній, и другіе, современные уже намъ, писатели, напр. Плошинскій, Протоіерей Милевскій) строго держатся свидѣтельства легенды (послѣдней ея редакціи). Правда и они ничего не говорятъ о времени, *когда* и *какъ* сложилась легенда, за то нѣкоторые изъ нихъ доказываютъ стародавность ея инымъ образомъ,—а именно:

а) До сихъ поръ еще одинъ изъ ключей, на лѣвомъ берегу Великой, противъ нынѣшняго собора, на-

зывается *Ольгинымъ*; слѣдовательно какъ же не вѣрить словамъ легенды: «пріиде (Ольга) къ берегу рѣки, глаголемой Великой—и бысть противу того мѣста, идѣже въ рѣку Великую иная рѣка отъ Востока текущая, Пскова нарицаемая, впадаетъ и видѣ объ онъ полъ рѣки, отъ Востока три пресвѣтлыя лучи съ небесе на та мѣста сходящія?» . . . . Была же какая нибудь причина, что ключь искони называется Ольгинымъ; а если причину эту легенда объясняетъ просто и точно, то за чѣмъ же не признавать такого объясненія?

b) До сихъ поръ еще два рукава р. Великой, омывающіе небольшой островокъ,—версты съ полторы по ниже селенія Выбутъ,—называются: одинъ, который глубже, *Ольгиными воротами*, другой, который мелче, *Ольгиными слудами*. Какъ же не вѣрить опять словамъ легенды: «родисяже Ольга въ веси, нарицаемой Выбутской, яже и нынѣ есть близь града Пскова?» Какъ же не предположить, что въ этомъ именно мѣстѣ, близь островка, Ольга перевозила въ лодкѣ Игоря?

c) До сихъ поръ еще хранится, какъ святыня, въ Псковскомъ Троицкомъ Соборѣ деревянный крестъ, сдѣланный въ 1623 году по образцу того креста, который водруженъ былъ на берегу р. Великой Ольгою, и который сгорѣлъ во время пожара, испепелившаго весь Псковъ, въ 1509 году. Какъ же не вѣрить опять словамъ легенды: «та рекши, помолися (Ольга) довольно къ Богу, и крестъ тамо (на берегу Великой) постави?»

d) До сихъ поръ еще живетъ въ Псковѣ преданіе объ Ольгѣ, совершенно согласное съ легендою: каждый Псковичь знаетъ, что Псковъ основанъ Ольгою, что часовня у ключа Ольгина поставлена на томъ самомъ

мѣстѣ, гдѣ Ольга водрузила крестъ, что селеніе Выбуты—родина Ольги, что у островка, образуемаго двумя рукавами р. Великой (Ольгины ворота и Ольгины слюды:) Ольга перевозила Игоря въ лодкѣ. Преданіе это существуетъ издревлѣ: доказательствомъ служатъ самыя названія упомянутыхъ мѣстъ.

Доказательства эти были бы вполнѣ убѣдительны, еслибы мы не знали, что легенда объ Ольгѣ не была извѣстна ни въ XII ни въ XIV ст. и что она есть созданіе временъ уже позднѣйшихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за надобность была Псковскому лѣтописцу рыться *въ лѣтописаніяхъ* и отыскивать, не сказано ли тамъ чего нибудь объ основаніи Пскова, если живые памятники, находящіеся передъ глазами его—Ольгинъ крестъ, Ольгинъ ключъ, Ольгины ворота и Ольгины слуды—ясно и убѣдительно говорили ему, кто основалъ Псковъ, и гдѣ родина Ольги? что за надобность ему была прибавлять: «токмо увѣдѣхомъ, яко былъ уже (Псковъ) въ то время, какъ наѣхали Князи Рюрикъ съ братьею изъ Варягъ въ Слобяне княжити?» Ясно, что поименованные выше памятники говорили лѣтописцу не объ родинѣ Ольги и не объ основаніи ею Пскова, а о чемъ-то другомъ,—можетъ быть о томъ же, о чемъ говорили многіе другіе памятники, поименованные лѣтописцемъ Кіевскимъ: «Ловища ея (Ольги) суть по всей земли, знаменья и мѣста и повосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне»—т. е. что благочестивая Русь свято хранитъ въ памяти своей каждый слѣдъ, оставленный на землѣ *соревнительницей Апостоловъ*. Самъ Митрополитъ Евгеній замѣчаетъ, (60) что, «по подобію Ольгина креста были кресты и въ другихъ мѣстахъ подъ названі-

(60) См. его Исторію Княжества Псковскаго—часть 3 стр. 3.

емъ *Ольгиныхъ*, какъ-то: въ Кіевѣ и у Николы на Наровѣ.» Совершенно согласенъ съ этимъ: какъ было нѣсколько по Русской землѣ *ловищъ, знаменій, мѣстъ и погостовъ* Ольги, также точно могло быть и нѣсколько *крестовъ*, водруженныхъ ею; жаль, если въ другихъ мѣстахъ не сохранились эти памятники, и нельзя не поблагодарить Псковичей, что они не забыли ни *Ольгиныхъ воротъ*, ни *Ольгиныхъ слудъ*, ни *Ольгина ключа*, ни *Ольгина креста*. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что родина Ольги—деревня Выбуты или Лыбуты, что Псковъ основанъ Ольгою, что *Ольгины ворота* и *Ольгины слуды*—есть то самое мѣсто, гдѣ Ольга перевозила Игоря въ лодкѣ, что *Ольгинъ* ключъ бѣжатъ у того самаго мѣста, гдѣ Ольга предсказала появленіе на свѣтъ Пскова, и гдѣ она водрузила *крестъ* Изъ этого слѣдуетъ только, что слѣды, оставленные Ольгою по всей Русской землѣ,—какъ свидѣтельствуетъ объ нихъ лѣтописецъ,—во многихъ мѣстахъ уже совершенно изчезли; на родинѣ же Ольги, благодаря сердечной памяти ея земляковъ, сохранились, и до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ *имена* мѣстъ—свидѣтелей какихъ нибудь минутъ жизни Ольги. Я говорю сохранились *имена* мѣстъ, а не самыя событія, которыхъ мѣста эти были свидѣтелями; событія изчезли. Но легенда, сложенная, какъ я имѣлъ уже случай говорить, никакъ не ранѣе конца XIV столѣтія, а вѣроятно еще позже,—къ готовымъ именамъ прицѣпила чуждыя имъ событія: она, въ этомъ случаѣ, похожа на кукушку, которая кладетъ свои яйца въ готовыя уже, чужія гнѣзда. Съ тѣхъ поръ пошли въ ходъ разсказы, которые слышатся въ Псковѣ и до сихъ поръ, и которые послѣдователи легенды называютъ *живымъ преданіемъ*. Замѣчу еще одно очень важное обстоятельство: если бы раз-

сказы, которыя существуютъ въ Псковѣ объ Ольгѣ, были дѣйствительно—*живое преданіе*, ведущее начало свое изъ глубокой древности, то отъ чего же преданіе это согласно вполнѣ съ послѣдней редакціей легенды, и разнорѣчитъ съ первою ея редакціей? Надпись на Ольгиномъ крестѣ, хранящемся въ Псковскомъ Троицкомъ Соборѣ согласна съ первою редакціею легенды: «Пріиде блаженная Ольга, *близь* рѣки глаголемыя Псковы, и ста *на устіи* тоя рѣки. Бяше бо тогда лѣсъ и дубіе веліе, и внезапу преславно видѣніе видѣ, свѣтлыми лучами осіеваемо мѣсто оное, пророчествуя глаголаше: на мѣстѣ *семъ* будетъ храмъ Пресвятыя Тройцы, и градъ великъ зѣло и славено будетъ, и потомъ на мѣстѣ *томъ* постави Пресвятый крестъ на поклоненіе Православнымъ христіанамъ.» (61) Слѣдовательно всего естественнѣе и сообразнѣе съ здравымъ смысломъ было бы Псковичамъ разсказывать легенду объ Ольгѣ такъ, какъ записана она на крестѣ, хранящемся въ ихъ родномъ городѣ, въ храмѣ, куда такъ часто стекаются они на молитву. Между тѣмъ разсказы Псковичей согласны съ послѣднею редакціею легенды, сдѣланною почти черезъ сто лѣтъ послѣ возобновленія креста. По этой редакціи, какъ я говорилъ выше, Ольга стояла *противъ того мѣста*, гдѣ въ р. Великую впадаетъ Пскова, и видѣла лучи *надъ противуположнымъ берегомъ рѣки*, и предсказала, что *на томъ мѣстѣ, надъ которымъ сіяютъ лучи*, будетъ воздвигнута церковь и городъ большой, славный и богатый. Причина понятна: спросите любаго Псковича, откуда онъ узналъ легенду объ Ольгѣ? Онъ или назоветъ вамъ книгу, въ которой напечатана

(61) Надпись на подножіи Креста Ольгина въ Троицкомъ Псковскомъ Соборѣ.

эта легенда, или укажетъ на другаго, отъ котораго онъ слышалъ, и который непремѣнно читалъ легенду также въ книгѣ. Если бы преданіе объ Ольгѣ было устное, передаваемое на словахъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, тогда разныя редакціи этого преданія, сдѣлавшагося достояніемъ книжнымъ, не имѣли бы никакого вліянія на память народную, никогда нельзя было бы убѣдить народъ, что Ольга водрузила крестъ на лѣвомъ берегу Великой, *противъ устья Псковы;* потому что предки народа знали и вѣрили, что крестъ водруженъ былъ *у устья* Псковы, на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышается Троицкій Соборъ, во свидѣтельство чего сдѣлана и надпись на подножіи Ольгина креста. (62)

Но—довольно. Будемъ по прежнему благоговѣйно покланяться кресту Св. Ольги, какъ покланялись ему наши отцы, дѣды, прадѣды, пращуры и прапращуры; будемъ по-прежнему молиться горячо и усердно въ часовнѣ, воздвигнутой благочестивыми предками нашими, у Ольгина ключа; поклонимся *воротамъ Ольгинымъ*, каждый разъ, какъ намъ случиться быть у селенія Выбутъ; облобызаемъ и *слуды* эти, которыхъ нѣкогда касалась стопа Св. Ольги, можетъ быть, первой просвѣтительницы этого края, и слѣдовательно истинной *соревнительницы Апостоловъ*. Но да не коснутся этихъ священныхъ памятниковъ наши суетныя историческія мудрованія: живое событіе, котораго памятники эти 950 лѣтъ тому назадъ были свидѣтелями, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, сдѣлалось для насъ тайною, конечно не для того, чтобы мы надъ разгадываніемъ этой тайны

---

(62) Несоглашаясь съ тѣмъ, что Псковъ построенъ Ольгою, я не говорю о томъ, что сдѣлала Ольга для Пскова; пот. ч. это не входитъ въ кругъ моихъ изслѣдованій.

изощряли наши копотливые умы! Лучезарный вѣнецъ Св. Ольги не нуждается ни въ какихъ прибавочныхъ украшеніяхъ, тѣмъ болѣе, если украшенія эти сдѣланы не изъ чистаго золота правды. Не будемъ безъ причины отнимать и у Пскова—нашего стараго Пскова—драгоцѣннаго для него права—называться колыбелью Св. Ольги.

Грустно видѣть, когда новое, благоденствующее нынѣ поколѣніе Псковичей,—которое, замѣчу мимоходомъ, всего жарче ратуетъ за мысль объ основаніи Пскова Ольгою,—остается довольно холоднымъ зрителемъ другихъ священныхъ памятниковъ старины, которыми такъ богатъ нашъ тысящелѣтній Псковъ. Грустно видѣть, какъ ежедневно сотни людей равнодушно попираютъ ногами плитные фундаменты былыхъ когда-то церквей и домовъ, выходящіе, то дугой, то угломъ, изъ подъ новыхъ построекъ, и бѣлѣющіе среди уличной пыли, подобно костямъ мертвецовъ, истлѣвшихъ безъ погребенія.—Грустно видѣть, какъ сотни людей равнодушно проходятъ мимо развалинъ старинныхъ церквей, выказывающихъ, обезображенные временемъ, остовы свои иногда изъ-за плетня чьего нибудь огорода. Грустно видѣть, какъ сотни людей ежедневно всходятъ на обросшія мохомъ и покрытыя трещинами величавыя башни городскихъ стѣнъ для того только, чтобы выкурить папироску и полюбоваться *веселенькимъ* видомъ какой нибудь части города или его окрестностей. Грустно видѣть, какъ сотни людей разбираютъ цѣлыми возами обломки плиты,—печальные останки какого нибудь древняго зданія,—для того, чтобы утромбовать ими дорожки своего садика, гдѣ съ такимъ удовольствіемъ въ лѣтній вечеръ можно накушаться чаю. Грустно видѣть, какъ многіе, и очень многіе, впрочемъ почтенные и достойные, домохозяева, превращаютъ подвалы,

принадлежавшіе нѣкогда какому нибудь монастырю или зажиточному человѣку, и очутившіеся нынѣ волею судебъ среди незнакомыхъ имъ дворовъ или огородовъ, въ погреба для храненія пива, вина, овощей и прочихъ съѣстныхъ припасовъ....Грустно видѣть, какъ рѣдко случается наткнуться на человѣка, который задастъ себѣ вопросъ о томъ: что это за фундаментъ? какой церкви эти развалины? когда построены эти башни? что это за подвалы и кому въ старину принадлежали они? Между тѣмъ—странное дѣло—въ душѣ этого же самаго поколѣнія, которое непремѣнно хочетъ приписать Ольгѣ основаніе Пскова, и которое не признаетъ однакожъ правъ на благоговѣйное уваженіе во множествѣ памятниковъ, которые у него ежедневно передъ глазами и подъ ногами,—въ душѣ этого же самаго поколѣнія, говорю, живетъ темная греза о какомъ-то неизмѣримомъ рядѣ лѣтъ прожитыхъ Псковомъ. Спросите: сколько лѣтъ церкви *Св. Георгія со взвоза*? Вамъ отвѣтятъ: это—изъ новыхъ: она построена въ 1494 году! Спросите когда построена первая церковь Св. Анастасіи? Вамъ отвѣтятъ: нетакъ давно,—въ годъ черной смерти (1487). Старыми постройками назовутъ развѣ монастырь Іоанна Предтечи (на Завеличьи), которому 700 лѣтъ, да монастырь Спасо-Мирожскій (при устьѣ Мирожи), которому 800 лѣтъ. Какіе цифры!

Этимъ я оканчиваю изслѣдованія мои объ основаніи г. Пскова. Читатель имѣлъ случай видѣть самъ, что свидѣтельства лѣтописцевъ, а за ними и лучшихъ нашихъ писателей—историковъ, заставляютъ думать, что Псковъ основанъ былъ до женитьбы Игоря (ранѣе 903 г.) и даже до рожденія Ольги. Съ свидѣтельствомъ же писателей, доказывающихъ, что городъ этотъ обязанъ бытіемъ своимъ Ольгѣ, согласиться нельзя; потому что доказатель-

ства ихъ неудовлетворительны. Нельзя также сказать положительно—основанъ ли Псковъ до Рюрика, или при Рюрикѣ или въ началѣ Княженія Олега. Въ лѣтописяхъ (и то не во всѣхъ спискахъ) глухо только говорится, что Славяне послѣ перваго изгнанія Варяговъ, начали *ставить городы.* Точно такое же глухое упоминаніе объ этомъ есть и при Олегѣ.—Но что это были за города, или гдѣ ставили ихъ, ничего неизвѣстно. Въ пользу до—Рюриковскаго существованія Пскова говоритъ одно только преданіе, существовавшее во Псковѣ во времена лѣтописца, т. е. въ XIV столѣтіи: «токмо увѣдѣхомъ, яко былъ уже (Псковъ) въ то время, какъ наѣхали Князи Рюрикъ съ братіею изъ Варягъ въ Словяне княжити.»

Въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ объ имени г. Пскова.

Въ лѣтописяхъ и другихъ старинныхъ памятникахъ письменности имя г. Пскова пишется различно: *Плесковъ, Плсковъ, Пьсковъ, Псковъ.* Чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ полнѣе это слово. Въ самыхъ древнихъ постоянно пишется *Плесковъ.* Въ такомъ же видѣ слово это осталось и до сихъ поръ въ нашихъ Остзейскихъ Губерніяхъ, которыхъ обитатели издревлѣ узнали его отъ самихъ Псковичей. Слѣдовательно слово *Псковъ* есть токмо сокращеніе слова *Плесковъ.*

Откуда взялась слово *Плесковъ*—рѣшить очень трудно.

Татищевъ (63) производитъ его отъ *плеса* или *плесканія,*—но очевидно, производство это основано на од-

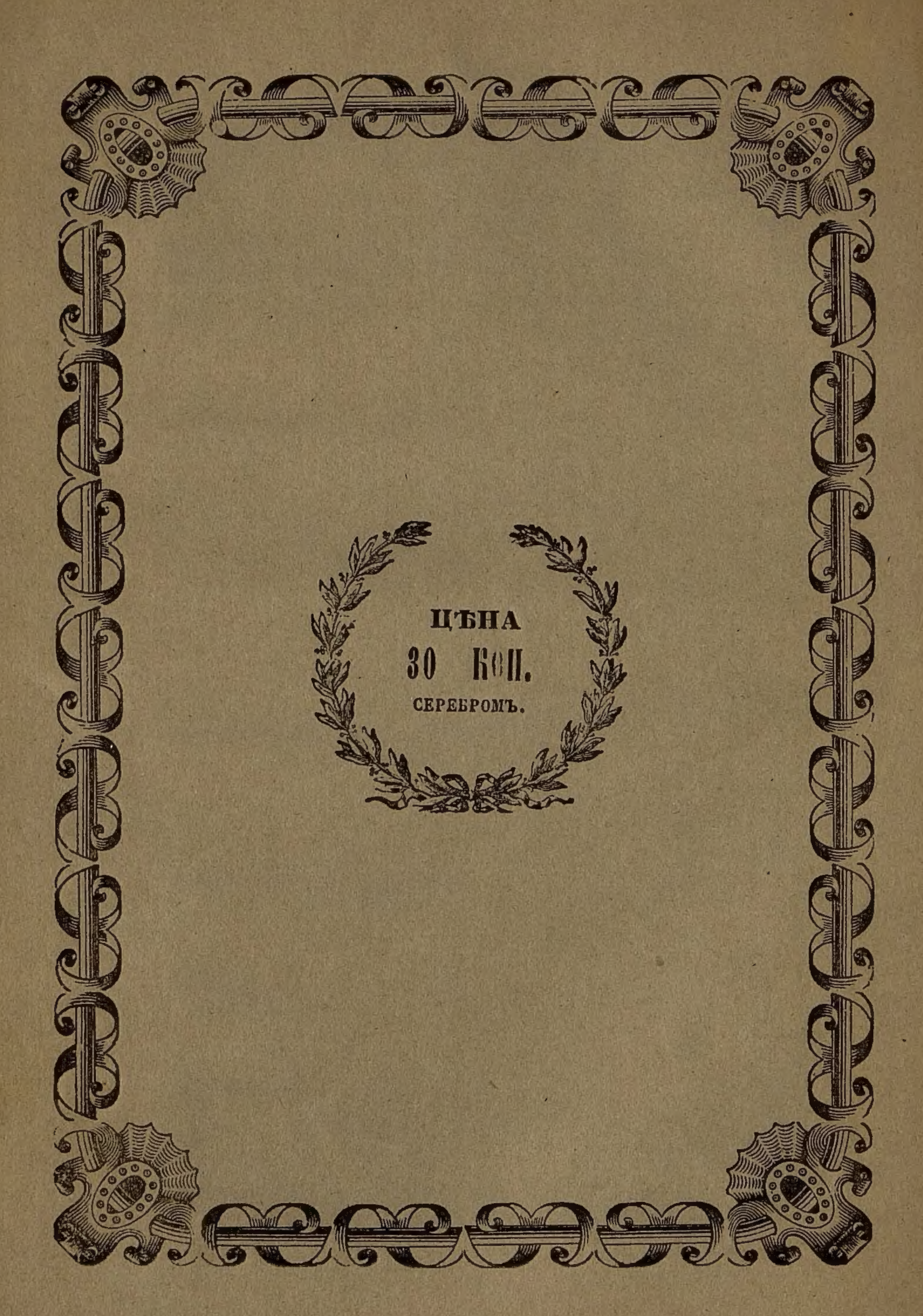
63) См. его Истор ю. т. 2 стр. 390 примѣч. 128.

номъ только сходствѣ звуковъ, а не на логической связи этихъ словъ. Не слышно еще было никогда и нигдѣ такихъ примѣровъ, чтобы имена городовъ заимствованы были отъ особеннаго характера, подмѣченнаго въ движеніи водъ тѣхъ рѣкъ, при которыхъ стоятъ эти города, или отъ направленія русла рѣчнаго,—колѣномъ ли оно (плесомъ) или дугою идетъ у города. При томъ можно ли знать навѣрное, что тысячу лѣтъ тому назадъ, въ языкѣ первыхъ строителей Пскова существовали уже слова *плесо* и *плескать,* и не было какого нибудь другаго слова, которое бы съ словомъ *Плесковъ* не только сходно было по звукамъ, но имѣло бы и логическую связь?

По свидѣтельству Митрополита Евгенія, нѣкоторые объясняютъ происхожденіе названія *Плесковъ*—иначе: они говорятъ, что Ольга во время путешествія своего въ Константинополь, замѣтивъ почему-то Болгарскій городъ *Плискову*, назвала этимъ же именемъ и свой городъ, т. е. нынѣшній Псковъ. Это объясненіе можно бы было допустить, *только какъ догадку*, если бы Псковъ дѣйствительно построенъ былъ Ольгою. Жизнеописатель Ольги производитъ названіе Пскова отъ рѣки Псковы, которая,—поясняетъ Митрополитъ Евгеній,—такъ названа отъ песчанаго озера и песковъ, изъ которыхъ она вытекаетъ и которые окружаютъ со всѣхъ сторонъ г. Псковъ. Но а) жизнеописатель Ольги, передавая легенду, записанную первоначально въ Степенной книгѣ, произвольно измѣнилъ слово *Плескова* въ *Пскову*. Въ легендѣ сказано: рѣка *Плескова,* а не *Пскова*. b) Выше сказано уже было, что слово *Псковъ* есть только сокращеніе слова *Плесковъ*, слѣдовательно не имѣетъ никакой родственной связи съ словомъ *песокъ*.

Изъ всего этого можно вывести только вотъ какое заключеніе: Псковъ назывался прежде *Плесковъ.* Слово *Плесковъ* постепенно сократилось въ слово *Псковъ.* Что значило слово *Плесковъ*—не извѣстно. Для объясненія этого слова нужно знать, во-первыхъ когда именно и́ кѣмъ построенъ Псковъ; во вторыхъ—быть знакомымъ съ языкомъ первыхъ его строителей.

ЦѢНА
30 КОП.
СЕРЕБРОМЪ.